

Если не считать того, что она иногда покусывала меня за щеку, Аой была прекрасным человеком. Она научила меня читать и писать, и она определенно заслужила золотую карточку хорошего человека. После усердных занятий я теперь могла использовать несколько новых слов, чтобы более конкретно выражать свои мысли.

Закончив с осмотром у Аой, я получала в своё распоряжение всё свободное время и бродила по саду. Моя прошлая жизнь почти полностью состояла из работы — поскольку я всегда перевыполняла нормы, это неизбежно приводило к затяжным ночным переработкам. Теперь же я наверстывала упущенное с помощью мести-сна: отсыпалась по полной, а проснувшись, получала в награду сладкие бобовые пирожки в форме кроликов.

Должна признать, кухня у Аой просто потрясающая: мало того, что все три приема пищи невероятно вкусны, так у неё еще работает профессиональный мастер по изготовлению игомаси. Правда, Келли выглядела какой-то рассеянной — во время нашей прогулки она то и дело уходила в себя.

— Плохо себя чувствуешь? — выложила я вопрос по словарным карточкам и протянула записку Келли.

— Дитя мое, я в порядке, тело не болит, прости, что заставила тебя волноваться, — Келли улыбнулась всё так же мягко, но улыбка вышла натянутой. — Прости, меня всё еще кое-что беспокоит. Я бы хотела ненадолго отлучиться. Собачка, иди сюда, присмотри за госпожой.

Бросив на ходу эти торопливые слова, она удалилась. Я проводила взглядом её быстрый шаг, искренне недоумевая, что же стряслось. Зато шедшая рядом Уэнсдэй бережно взяла меня за руку: хотя она изо всех сил старалась сохранять невозмутимый вид, собачий хвост так и норовил превратиться в пропеллер. Глядя на её счастливую мордашку, я подумала, что это просто прогулка с питомцем.

Это место ничуть не уступало Черному поместью: японский сад Аой тоже поражал воображение. Высокие сосны гордо тянулись к небу — я даже украдкой потыкала одну пальцем, проверяя, не умеет ли она разговаривать, — а под ними раскинулся роскошный ковёр мягкого мха, по которому так и хотелось походить босиком. Среди зелени змейкой вилась дорожка из плоских камней, а венцом всего этого великолепия служил огромный пруд с обязательным каменным мостиком.

— Нравится? — спросила я у Уэнсдэй, интересуясь, по душе ли ей здешние виды. Пусть слова были простыми, она сразу поняла меня.

— Уэнсдэй здесь очень нравится! Вчерашняя курица терияки — и соус, и мясо — просто пальчики оближешь, только вот баклажаны на гарнир не очень, да и тот натто раньше пах странно. Но самое-самое любимое пока — это тонкацу! Хрустящая панировка, сочное мясо — объедение!

Похоже, Уэнсдэй тоже была полностью довольна местным меню. Я уже почти начала

сомневаться, не на курорт ли мы приехали. За те несколько месяцев, что мы здесь провели, я немного выросла, а вот Уэнсдэй не только вытянулась, но и заметно округлилась. К тому же из-за постоянной активности из хилой собаки она превратилась в крепкую, сильную и поджарую.

— Хозяйке здесь весело? Лекарство пить не тяжело? Хочешь, Уэнсдэй тайком выпьет его за тебя? Даже если оно на вкус как натто, Уэнсдэй всё равно выпьет его вместо хозяйки! — Уэнсдэй смотрела на меня с таким серьезным выражением лица. Истинная моя храбрая собака.

— Не горько, сладко.

Словно ласковый крупный пес, Уэнсдэй принялась тереться о меня головой — она позволяла себе такие нежности только тогда, когда поблизости не было посторонних. Я кивнула ей, разрешая побегать, и она радостно умчалась резвиться по саду.

Я неторопливо прогуливалась у кромки пруда, как вдруг почувствовала неладное. В прозрачной зеленоватой воде должно было плавать немало карпов — красно-белых и золотистых, — но сегодня не было видно ни единой рыбешки. В этот момент Уэнсдэй прибежала обратно, тяжело дыша и прижимаясь к моему боку.

— Красивые рыбки пропали. Хозяйка, у рыбок сегодня выходной?

Я покачала головой, показывая, что не знаю. Странно: раньше то и дело попадались на глаза служанки в кимоно, занятые уборкой, но сегодня не видно ни души. С того самого момента, как ушла Келли, вокруг творилось что-то неладное. Это странное ощущение застряло в горле, заставляя его сжиматься всё сильнее и причиняя почти физическую боль. Я коснулась шеи и попыталась слегка откашляться, но легче не стало.

— Хозяйка заболела? Тебе плохо? — Уэнсдэй, судя по всему, ничего необычного не чувствовала, но из-за беспокойства за меня прижала уши.

Успокаивающе погладив Уэнсдэй по голове, я попыталась подобрать точное сравнение. Это смутное, гнетущее чувство тревоги было точно таким же, как на совещании, когда новичок приносит совершенно не те материалы и напроць срывает всю встречу, а генеральный директор сидит с каменным лицом, и атмосфера накаляется до предела.

Непосредственный начальник обливается холодным потом, боясь утереть лоб, наставник подумывает о том, чтобы пустить себе пулю в лоб, а непричастные к провалу коллеги судорожно молятся про себя, лишь бы их не задело рикошетом.

А я была как раз тем самым непричастным человеком, у которого шестое чувство орало об опасности каждой клеткой тела. Я попыталась собраться с мыслями и совершенно случайно наступила на какой-то белый обломок на земле. На ощупь он напоминал крученую веревку. Уэнсдэй неуверенно произнесла:

— Хозяйка, это... похоже на веревку от барьера?

Словно отвечая на наш безмолвный вопрос, где-то рядом послышался звук падающих капель воды. В воздухе отчетливо запахло сыростью — так пахнет во второй половине дня в сезон дождей, с легким примесью затхлости и плесени. И этот запах сопровождался голосом — таким же сырым, болезненным и чахлым.

— Собачонка и девчонка, вы не подскажете, где обитает глава рода Питлер?

У чудовища были длинные, мокрые, растрепанные волосы. Его тело словно грубо сшили из разных кусков, глаза оказались разного размера: один огромный, другой крошечный, а кожа представляла собой лоскутное одеяло из разномастных лоскутков. Опираясь о землю обеими руками, он скалил в ухмылке кривые зубы. В уголке пасти монстра я заметила торчащий обрубок рыбьего хвоста — судя по всему, убийца рыб нашелся.

— Ты еще кто такой! Не смей приближаться к моей хозяйке! — Уэнсдэй встала передо мной, мгновенно ошетилившись от гнева.

— Злая собака, какая же ты злая, — монстр склонил голову набок, разглядывая Уэнсдэй. — К тому же, это совсем не тот ответ, который нужен Коре.

— Плевать нам, что тебе там нужно! Проваливай отсюда! А не то я разорву тебя на куски!

Оскалив собачьи зубы, Уэнсдэй прижала уши, готовясь броситься в атаку, как вдруг ее ноги оторвались от земли. Хвост с металлическими шипами на конце пронзил ее бок, взметнув девушку в воздух. Выдернув шип, он швырнул окровавленное тело на землю, и пол мгновенно обогрился кровью.

— Собака, лежать. А теперь ты, девочка, можешь сказать Коре, где глава рода Питлер?

Разнокалиберные глаза уставились прямо на меня. Я знала, что отвечать нельзя: я была абсолютно уверена, что, назови я хоть что-нибудь, он все равно убьет меня.

— Хозяйка, беги! — прижимая руку к ране, Уэнсдэй вскочила и вцепилась зубами в ногу монстра, выигрывая для меня хоть секунду.

Я со всех ног бросилась по коридору, чувствуя, как сердце готово выпрыгнуть из груди. Бросив взгляд назад на назвавшегося Корой монстра, я заметила, что его конечности явно чужие и двигаются нескоординированно, отчего бег получался дерганным. Но я-то была еще слабее, в честном состязании на выносливость мне не победить, поэтому я изо всех сил потащила его за собой, уводя в гостевое крыло.

Когда впереди показалась библиотека, Кора уже почти настиг меня. Не смея останавливаться,

я зажмурилась и на полном ходу врезалась плечом в дверь.

К счастью, та оказалась хлипкой. Выбив ее наотмашь, я кубарем скатилась на пол и остановилась только тогда, когда влетела в книжный шкаф. Все тело ныло от ссадин и царапий, легкие горели от бегущего воздуха, но останавливаться было нельзя.

— Отвечай же, отвечай Коре, где глава рода Питлер!

Я судорожно поползла по полу, цепляясь за любую возможность выжить. Тело Кору было слишком массивным, он буквально протискивался в дверной проем библиотеки. Пространство здесь оказалось слишком тесным для него: стоило ему взмахнуть рукой, как шкафы со грохотом рушились, а вокруг поднимался хаос, отчего он злился еще сильнее.

— Ненавистные книги, девчонка, не смей игнорировать Кору! Отвечай на вопрос Кору! А-а-а!

С полок то и дело срывались фолианты, ударяя его по голове, падали и разбивались вдребезги декоративные вазы, а осколки керамики резали кожу. И все же, спотыкаясь и круша все на своем пути, Кора неумолимо приближался ко мне. Я прижалась спиной к самому дальнему шкафу, чувствуя, что силы покинули меня окончательно. Как же хотелось швырнуть в его мерзкую морду хоть что-нибудь, но я не могла даже поднять руку.

Зрение затуманилось — возможно, из-за гипоксии, предвещающей потерю сознания. Я сквозь пелену увидела, как грязная нога Кору наступила на книги, оставляя на них мокрые следы. Прости меня, Аой, кажется, этому чудищу суждено истоптать твои любимые фолианты. Перед тем как провалиться во тьму, в ушах зазвенело — гул стоял такой сильный, похожий на шелест бесчисленных ручьев, пока этот шум окончательно не заглушил голос Кору.

<http://bllate.org/book/22271/2331697>